

IV. Эссе

Борис Хазанов

Стефан Цвейг

В курортном городке Петрополис неподалёку от Рио-де-Жанейро, в доме № 34 на улице Гонсальвеса Диаса покончил с собой всемирно известный писатель Стефан Цвейг. Это случилось в ночь на 23 февраля 1942 года. Наутро никто не вышел к завтраку, в полдень дверь спальни всё ещё была закрыта. Прислуга забеспокоилась; вызвали полицию. На кровати лежали тщательно одетый Цвейг и его тридцатитрёхлетняя жена Лотта. Оба приняли огромную дозу снотворного.

Цвейгу было 60 лет. На столе лежало несколько запечатанных конвертов и отдельно - письмо для передачи городским властям:

«Я ухожу добровольно в твёрдом уме и памяти, но прежде хочу исполнить последний долг - выразить свою глубокую благодарность прекрасной стране, предоставившей для меня и для моей работы столь гостеприимное убежище. С каждым днём я всё больше любил эту страну и нигде не смог бы лучше построить заново свою жизнь после того, как мир моего родного языка для меня погиб, а Европа - моя духовная родина - истребила сама себя.

Но когда тебе столько лет, нужно иметь много сил, чтобы начать всё сызнова. А мои силы за многие годы бесприютных странствий иссякли. Поэтому я счёл правильным вовремя, честно прекратить эту жизнь, в которой самой высокой радостью был для меня духовный труд и наивысшим благом - личная свобода .

Всем моим друзьям привет! Пусть они увидят рассвет после долгой ночи. У меня не хватило терпения, и я ухожу первым».

Цвейг был не единственным писателем немецкого языка, кто спасся, но не выдержал изгнания. В середине тридцатых годов в Швеции застрелился публицист и поэт Курт Тухольский. Покончили с собой эмигранты Эрнст Толлер и Вальтер Газенклевер. Спасаясь от гестапо, в пограничном испанском городке, в глухих Пиренеях убил себя эссеист, философ и культуролог Вальтер Беньямин. Каждый

из них унёс с собой свою собственную, глубокую тайну, и у всех было нечто общее.

Один из друзей Стефана Цвейга рассказывает о поездке в Рио на карнавал, за неделю до самоубийства. Цвейг хотел ещё раз увидеть знаменитое празднество, которое он описал в книге «Бразилия, страна будущего». За завтраком в отеле гости прочли в газете сообщение о том, что англичане оставили Сингапур. На другой странице стояло; «Немецкое наступление в Ливии. Цель - захват Суэцкого канала». О веселье больше не могло быть речи, писатель и его жена покинули пляшущий город и вернулись к себе.

Долгая ночь войны и фашизма, успехи вермахта в России и в Африке, слухи о готовящемся вторжении на Британские острова - всё это было, конечно, фоном для случившегося; причины были сложнее. Однажды принятое решение всюду ищет доводы в свою пользу, и самоубийство - лишь заключительный росчерк пера в длинной, трудно поддающейся расшифровке рукописи, которая называется человеческой жизнью. Тем не менее личная судьба писателя - это одновременно личина истории; время предстаёт в созданиях его фантазии и в его собственном облике. Цвейг не зря ощущал свой жизненный финал как финал «вчерашнего мира», - так называется книга его воспоминаний; это был финал Австро-Венгерской империи и её утомлённой, блестящей, многонациональной культуры, финал буржуазной Европы, прекрасногодушного гуманизма, чопорной морали, прочного и благоустроенного быта, благополучной еврейской ассимиляции, гибель «европейской республики духа», гражданином и патриотом которой был Цвейг, крушение веры в историю, будто бы направляемую высшим разумом.

Сын текстильного фабриканта, по рождению и воспитанию принадлежавший к так называемому хорошему обществу, он никогда не знал материальной нужды и, в сущности, прожил счастливую, удавшуюся жизнь. Он окончил венский университет, общался чуть ни со всей литературной, художественной и музыкальной элитой столицы и довольно быстро добился признания как писатель. Дальше - больше: в годы между двумя мировыми войнами Цвейг был едва ли не самым знаменитым беллетристом немецкоязычного региона и чаще, чем какой-либо иной австрийский или немецкий автор, переводился на другие языки. Пожалуй, читатели - и особенно женщины - были правы, представляя себе писателя по образу и подобию героев его новелл. «Твои вещи - это ведь только треть твоей личности», - заметила однажды первая его жена, Фридерика. Стефан Цвейг не был кабинетным писателем-домоседом вроде Томаса Манна или одиноким, погружённым в себя визионером, как Франц Кафка. Скорее это был человек, жадный до жизненных впечатлений, страстный, непостоянный, влюбчивый, светски-обольстительный и привыкший к любовным победам. Многочисленные фотографии сохранили внешний облик темноглазого щеголя в выхоленных усах, с гладко зачёсанными на пробор волосами, сверкающими бриолином.

Цвейг много путешествовал, побывал в 1928 году и в СССР, чему способствовала дружба с Максимом Горьким и популярность Цвейга у русской публики:

уже к этому времени в Ленинграде вышло десятитомное собрание его сочинений с предисловием Горького. Цвейг мало интересовался политикой, никогда не был поклонником Маркса; в Советскую Россию его влекло сочувственное любопытство. Как водится, ему демонстрировали достижения нового мира; он ходил, смотрел, улыбался, восхищался. Много позже, в книге «Вчерашний день. Воспоминания европейца», - мы о ней уже упоминали, - он рассказал о странном эпизоде. После шумной встречи со студентами в Москве, вечером в гостинице иностранный гость обнаружил у себя в кармане письмо без подписи, по-французски: «Не верьте тому, что Вам говорят. Знайте, что многое от Вас скрывают. Люди, которые с Вами разговаривают, говорят лишь то, о чём разрешается говорить. За всеми нами следят, за Вами тоже. Переводчица докладывает о каждом Вашем слове. Ваш телефон прослушивается...»

Из обширного наследия Стефана Цвейга - он писал и прозу, и стихи, был автором нескольких пьес и трёх романов, два из которых не закончены, оставил дневник, переводил с французского, английского, итальянского, - нужно выделить новеллистику и биографии.

Сейчас уже трудно себе представить, как любим был в России автор «Амока», «Смятения чувств», «Жгучей тайны», «Двадцати четырёх часов из жизни женщины», «Улицы в лунном свете», «Незримой коллекции», «Письма незнакомки». Врач, служивший в голландских колониях, отказался сделать аборт богатой англичанке, забеременевшей от любовника, но влюбился в неё сам и преследует её. Она умирает в жалкой хижине от кровотечения, вызванного неумелым вмешательством; обезумевший от любви доктор сопровождает её гроб на корабле в Европу и по дороге сбрасывает его в море. – Ни о чём не подозревающий подросток делает страшное открытие: его мать, уважаемая светская дама, на курорте изменяет отцу с неким бароном. – Студент снимает комнату в доме профессора и неожиданно проводит ночь с его женой. В смятении он хочет уехать, и тут оказывается, что сам хозяин питает к молодому человеку не совсем обычные чувства. – Неизвестная женщина одержима любовью к юному аристократу, а он, в свою очередь, жертва другой страсти - игры в рулетку... Каждая из этих новелл - история внезапного и скандального вожделения. подземного огня, который бушует под покровом благопристойности, под турнюрами добродетельных буржуазных жён и плотно застёгнутыми сюртуками солидных господ и, вырвавшись наружу, опалает весь этот лицемерный мирок. Цвейг, внимательно читавший Достоевского и Фрейда, не был рефлектирующим, подчёркнуто интеллектуальным писателем, его герои не ведут философских бесед, он сам признавался, что

не питает интереса к абстракциям. Точно так же не интересуют его и эксперименты с техникой повествования. Зато он любит то, что называется «копаться в чувствах». Его искусно написанные, пряные, взвинченные и не лишённые мелодраматизма рассказы - сюда можно отнести и похожий на большую новеллу, не вполне совершенный, но весьма занимательный роман «Нетерпение сердца» - сполна отдаёт дань все ещё модному в те годы утрированному психологизму.

Заслуженный успех принесли Цвейгу биографические книги. Он написал их великое множество, и некоторые из них оказались долговечней его беллетристики. Жизнеописания знаменитых людей разных эпох были объединены в циклы («Три мастера: Бальзак, Диккенс, Достоевский», «Певцы своей жизни: Казанова, Стендаль, Толстой», «Борьба с демоном: Гёльдерлин, Клейст, Ницше») либо выходили отдельными книгами («Мария Стюарт», «Мария-Антуанетта», «Жозеф Фуше», «Триумф и трагедия Эразма Роттердамского», «Магеллан» и др.). Тот, кто читал описание первого кругосветного путешествия Магеллана, мастерски выполненное Цвейгом, не забудет волнующую сцену: после долгого, опасного блуждания по извилистому проливу, который назовут именем Магеллана, три маленьких корабля – всё, что осталось от флотилии, – выходят в неожиданно распахнувшийся океан. К биографиям примыкает замечательная серия исторических миниатюр «Звёздные часы человечества». Крылатое выражение, придуманное Цвейгом.

Что такое человек в лабиринте истории? Можно ли ещё говорить о свободе личности перед лицом жестоких анонимных сил? Подлинным вероисповеданием Цвейга, равнодушного к религии, будь то европейское христианство или религия отцов - иудаизм, была уверенность в том, что история небессмысленна: вопреки всему, история движется к великой цели, а для этого она нуждается в деятельном и просвещённом индивидууме; именно он даёт ей оправдание и смысл. Эта цель - духовная свобода, ибо за кулисами войны и мира, политики и экономики прячется подлинный режиссёр всемирно-исторического спектакля - *Weltgeist*, Мировой дух. Звёздные часы человечества - это те немногие мгновения, когда оно непосредственно следует велениям духа, и его посредниками оказываются личности, на которых в эту минуту опустилась его невидимая десница.

Стефану Цвейгу, этому благородному, но запоздалому отпрыску девятнадцатого века, было суждено увидеть величайшее посрамление мирового духа, - так, по крайней мере, он воспринял события тридцатых годов, новую мировую войну и ночь Европы. И он ушёл, не дождавшись рассвета.